

Лидия Григорьева

Открытый текст

Четырехстопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву...
А.С. Пушкин

1.

Одесса. Год семидесятый.
Я взгляд бросаю непредвзятый
в десятилетних далей тьму:
что там и сердцу, и уму?
Но это время так далёко:
там холодно и одиноко...

Холера. Август. Карантин.
И вспоминается один
довольно милый одессит,
но от него вином разит:
его покинула жена.
И вспоминается: одна.
И нет ни смысла, ни отваги.
Но тянется перо к бумаге.

И через десять с лишним лет
я снова здесь, но смысла – нет.

2.

Брусчатка. Пыль. Автомобили.
Забытый сон на грани были.
Одесса. Август. Сизый дым.
Юнец зеленый, пьяный в дым.
Девицы в платьях ацетатных.
Два-три Онегина заштатных.
Шуршит на девочках «фирма».
И негде ставить уж клейма.

Морской вокзал. Смотрю, как дура.
Портальная архитектура
в ажуре легком. Бар в порту
«под сенью девушек в цвету».
Соблазн велик – subtilный бес –
да только времени в обрез,
не до объятий вороватых.
Потом не сыщешь виноватых.
Тут ко двору любая сука.
Но, Боже мой, какая скука!

Все это, впрочем, дребедень,
сниму со счета этот день.

3.

Сужу с придирчивостью вящей:
лишь только ищущий обрящет
и понимающий поймет.
Я попадаю в переплет.
Сама себя с ума свожу
и счета старые свожу
с прекрасным городом приморским.
С высокомерьем командорским

смотрю на улицы, дома,
и нет – ни сердца, ни ума.

Опять жарища, мухи, лето.
Нет ни воды, ни туалета.
Дворец Нарышкиной? Пустяк.
Теперь нас любят, но не так:
один художественный свист.
И колоритнейший таксист
покажет кладбище, тюрьму,
помянет войны и чуму,
и привезет, хотя не сразу,
в уединенную турбазу.

А там – над морем раскладушка.
Моя любимая подружка
и терпелива, и тиха.
Дымком подернута уха.
И как сосед, что вечно пьян,
в округе буйствует бурьян.

4.

Но мой лирический герой?
Он за меня стоит горой.
Мы вновь возникли друг для друга,
тому порукою – подруга.
Он, кстати, трезвенник, педант,
в любви давно не дилетант.
Жена по-прежнему в бегах.
Он не нуждается в деньгах.
Но нет острее дефицита,
чем ласка женщины забытой,
а может быть, и прочих дам...

Я по своим иду следам,
полна вселенскою тоской,
хоть воздух радует морской
и трав медвяных пряный дух...
Воспоминаний прах и пух:
ведь в двадцать лет вдвойне обидно
быть одинокой и – фригидной.

Смотри: закат. Морской этюд.
Одесса. Август. Solitude.

5.

Не мрачной девочкой невзрачной,
столичной львицею безбрачной
сюда приехала опять.
Не повернулось время вспять!
Вольно же мне блуждать во мраке...
Поднаторев в порталльной драке,
идет с разбитою губой
навстречу нам – морской ковбой.
Пускай идет до поворота
типаж с эмблемою морфлота!

Все это странно без привычки:
две натуральные москвички,
и рядом с ними, хороши,
идут ахейские мужи,
авантюристы, аргонавты.
Об этом всей не скажешь правды.
Преодолев разброд в душе,
беру готовые клише.

И в жизни, и в литературе
все соответствует натуре.

6.

Расположась под сенью ивы,
мы так в любви неприхотливы
на берегу, во мраке лета.
Причал. И поляя «Комета».
В плену полночного эфира
под кайфом спит уже полмира.

Попробую начать сначала:
«Комета» рвется от причала.
На берегу ночного моря
остались мы, с судьбой не споря.
И море, тяжелое, как мед,
то всколыхнется, то замрет.
И ночь стоустая – густа.
Нет ни возврата, ни креста.
Трава глубокая, как мех.
И сладок первородный грех.

Любовь, спокойствие и лад
я положу на срочный вклад.
Такой духовный капитал
не промотать, мой капитан!

7.

Но рано предъявлять счета.
Он, впрочем, прочим не чета:
он и приветлив, и раскован.
Подруга действует рисковно.
Смотрю, как меркнут краски Юга.
поглощена собой подруга,
и на ее душе штормит.

Вот остров. Там расстрелян Шмидт.
Там спит история сама.

Там много сердца и ума.
Там не в чести пустая трата!

Потом последует расплата.
И ты отвлечься не надейся
в Очакове или Одессе –
в пылу любовного транзита.
С непостоянством одессита
сквозит вечерний ветерок.

Не запасешься жизнью впрок!
Пора напропалую жить
и хватит на судьбу грешить.

8.

Не утолив вседневный голод,
вернулись мы в портовый город.
Там, рты разинув, бродят гости.
Там Дюк позеленел от злости.
Там сохранился образцово
дворец магната Воронцова.
И там имеют бледный вид
дома в плену кариатид.
Там чудеса. Там волны бродят.
Русалки в нетях верховодят.
Там хороши морские дали.
Там не читают нам морали.
Там не тиранят, не корят.
Там утром чаем напоят.

Добавь сюда ума и сердца.
С высокомерьем страсготерпца
на старый город не смотри.
Черты случайные сотри.

9.

Но если я вернусь к герою,
он может надоест, не скрою.
Пусть остается в центре мира
его уютная квартира.
Я на окраину – туда:
на рейде светятся суда,
бормочет в ночь буркун-трава.
И я, как никогда, жива.

На жизнь – не выдают лицензий.
Необоснованных претензий
к своей судьбе не предъявлю.
Я дни копила по рублю
с остервененьем скопидома!
Из полуночного содома
душа вспорхнула налегке.

Огни Одессы вдалеке.

Шуршала полевая мышь.
Сияла ночь, шумел камыш.
Все это поросло быльем –
степной полынью с ковылем.

Август 1981 г.
Одесса

